

Т.В. Мосейчук
(Могилев, Беларусь)

ФРАЗЕОЛОГИЗАЦИЯ НЕВЕРБАЛЬНОГО КОМПОНЕНТА КОММУНИКАЦИИ СЛАВЯНСКИХ ОБРЯДОВ

В статье делается попытка описания явления фразеологизации невербальной составляющей различных обрядов восточных славян, анализа современного понимания и использования обрядов, восприятия фразеологизмов обрядового происхождения современными носителями русского, белорусского, украинского языков.

Невербальный компонент коммуникации не только взаимодействует с вербальным компонентом, не только выступает важной составляющей общения, но и отражается в языковой системе любого языка, в первую очередь на лексико-фразе-

ологическом уровне. «Стандартность речевых ситуаций, возникающая на основе общих закономерностей коммуникации, приводит к созданию достаточно устойчивого взаимодействия некоторых речевых образцов с паралингвистическими средствами, специфическими для каждого конкретного языка» [4, с. 5]. Следует добавить, что это взаимодействие взаимнообратное: так и некоторые паралингвистические средства, имеющие устойчивый характер и понимаемые всеми носителями языка, могут закрепляться вербально в речевых единицах, в частности, лексико-фразеологическая система любого развитого языка прекрасно приспособлена для описания большинства невербальных составляющих коммуникации. Сравнивая особенности фразеологизации в восточнославянских языках, мы уже отмечали, что «значительная часть фразеологизированных НВК представлена в русском, белорусском и украинском языках аналогичными фразеологизмами (*биться головой о стену – біцца галавой аб сцяну – битися головою в мур; взять голыми руками – узяць голымі рукамі – взяти голыми руками*), однако при преимущественной сходности ряд фразеологизмов не полностью идентичен (*надуть губы – капыліць губу – надутти (закопцлювати) губи*)» [6; 7; 8, с.137].

Фразеологизация – важнейшее лингвокультурное явление и показатель взаимодействия культуры и языка. Во фразеологической системе языка отражается национальная картина мира.

Одним из важных элементов национальной культуры является обряд – «совокупность установленных обычаев действий, связанных с выполнением религиозных предписаний или с бытовыми традициями. *Свадебный обряд. Похоронный обряд*» [9, Т. 2, с. 56]. Различают обряды религиозные, социальные (семейно-бытовые), календарно-земледельческие. Обряд присутствует в культуре и истории любого народа. Важнейшие моменты жизни – рождение, смерть, строительство жилья, брак, посевная, сбор урожая и др. – сопровождалась соответствующими обрядами. Обряд включает в себя вербальный и невербальный компоненты, взаимодополняющие друг друга. Исследователей фольклора обычно привлекает вербальная составляющая обрядов. Однако невербальный компонент не менее значим, так как все обрядовые действия символичны и призваны, по представлениям наших предков, оказывать влияние на жизнь людей. Так, обряды, связанные с проводами зимы, встречей весны, началом посевной, уборкой плодов, должны были способствовать хорошему урожаю, его сохранности, защите от сил стихии или набегов врагов. Строительство жилища у славян тоже сопровождалось обрядами-оберегами, направленными на то, чтобы дом стоял долго, защищал от врагов и непогоды, чтобы в доме царил установленный порядок. Обряды, связанные с рождением ребенка, совершались с целью помочь роженице произвести на свет здорового дитя, защитить младенца от негативных воздействий. Свадебные обряды были направлены на защиту благополучия и достатка новой семьи, ориентированы на продолжение рода. Погребальные, во-первых, способствовали облегчению перехода покойного в иной мир, а во-вторых, должны были защитить живых от возможного возвращения души умершего, так как наши предки верили, что такое возвращение может быть небезопасным. С появлением христианства языческие обряды, конечно, потерпели

видоизменения, однако полностью искоренены не были, скорее, были переосмыслены и приспособлены к христианским.

Изучение обрядов значимо не только для историков, культурологов, этнографов, краеведов, но и для филологов, так как, во-первых, огромный интерес представляют обрядовые тексты, а во-вторых, многие невербальные элементы обрядов нашли языковое выражение в лексической и фразеологической системах языков, отразились в паремиологическом фонде, описаны в художественной литературе. Некоторые из них функционируют до сих пор в виде пословиц, поговорок, примет, некоторая часть продолжает использоваться в свадебных и погребальных обрядах.

До сих пор некоторые из обрядовых действий сохраняют свое значение. В первую очередь это касается обрядов религиозных. Семейные и тем более земледельческие обряды значительно упрощены и носят скорее декоративный характер. Однако фрагменты этих обрядов, порой уже утраченные в современной жизни, сохранились во фразеологических системах восточнославянских языков. Ряд этих фразеологизированных фрагментов имеет невербально-коммуникативную основу.

Так, многочисленные этапы свадебного ритуала восточных славян оставили значительный лингвистический след. Например, сватовство, с которого, собственно, начинались свадебные действия, одинаково закрепилось в русском, белорусском и украинском языках в виде фразеологизма *просить руки* (*прасіць рукі* – бел., *просити руки* – укр.). Рука выступала символом согласия на брак, в случае удачного сговора отец невесты за руку подводил дочь к жениху и соединял руки молодых (*отдать руку, соединить руки*). Атрибутами такого действия могли служить нить, лента или рушник, которыми символически обвязывали руки в области запястья. Такие фрагменты наблюдались во время либо сватовства, либо заручин, либо уже непосредственно во время свадьбы, когда жених приезжал за невестой. Рука выступает ключевым компонентом при фразеологизации кинемы рукопожатия, сопровождающего обычно любую взаимовыгодную сделку – *ударять по рукам*. В качестве согласия могли выступать и другие символы, нашедшие отражения во фразеологизмах *встречать хлеб-солью* (рус.), *подарувати вишиванку* (укр.).

Во многих регионах нынешней Украины и Беларуси в случае согласия на брак девушка выносила сватам каравай хлеба либо другое угощение, в случае же отказа – тыкву (гарбуз), отсюда пошли фразеологизмы *даць (атрымаць) гарбуза* (бел.); *дати (отримати) гарбуза* (укр.), то есть 'отказать'/'получить отказ'. Известны примеры их употребления в художественных текстах: «*Ты ж ведаеш, што ён да яе сватаўся і атрымаў гарбуза*». (У. Караткевіч «*Дзікае паляванне караля Стаха*»). Русский же язык зафиксировал обычай процедуру удачного сватовства завершать баней (*по рукам, да и в баню*), а неудачного – мордобоем (*по зубам, да и в харю*) [3, с. 275]. Свадебное происхождение, по мнению В.И. Зимина, у достаточно широко распространенного фразеологизма *показать от ворот поворот* «(объявлять отказ, отрицательный ответ. Выражение ... восходит к обычаям сватовства: при заранее обдуманном отказе приехавших свататься не пускали в дом, и они вынуждены были поворачивать от ворот)» [3, с. 275]. Аналогичное значение имеет ФЕ *подать карету* [3, с. 276]. Положительный ответ влек за собой следующие элементы свадебного

обряда – заручины, запоины и др. – и появление фразеологизмов *противать невесту, дочь протили*.

Частотен в русском обрядовом фразеологическом фонде колоризм *красный*: *красный сарафан* как элемент свадебного наряда, *красный угол, сидеть в красном углу* – означает 'сидеть на почетном месте', туда обычно сажали молодых во время свадьбы. А вот в белорусском и украинском языках колоризм не закрепился в свадебной лексике и фразеологии, хотя сам красный цвет является доминирующим, например, в украинском национальном костюме.

Ритуальные действия, совершаемые во время подготовки невесты к венчанию, получили отражение как во фразеологизмах, так и в литературных произведениях, например, *расплетать косу надвое* (по старинной русской традиции, невесте расплетали косу и заплетали две косы, как носили замужние женщины): *Не шей ты мне, матушка, красный сарафан, ... Рано мою косыньку на две расплетать* (Н. Цыганов «Красный сарафан»); *«Мне с плачем косу расплели да с пеньем в церковь повели»* (А.С. Пушкин, «Евгений Онегин»).

Зафиксированы во фразеологических системах восточнославянских языков вариативные фразеологизмы, напрямую связанные с кинесической составляющей невербальной части христианского свадебного обряда: *идти (вести) под венец (к алтарю)* – (рус.); *весці да алтару* (бел.). Во время венчания молодые стояли на специальном свадебном рушнике. Так появилась народная примета – «кто первым ступит на рушник – будет главой в доме».

Традиционно во время свадебного застолья проходило угощение гостей *свадебным караваем*, имеющее как символическое, так и прагматическое значение. Сваты или сами молодожены (в зависимости от региона) *делили каравай* между приглашенными и взамен получали подарки. Один из самых распространенных по сей день свадебных обычаев, закрепившихся в языке – *кричать «горько»* во время свадебного застолья.

Таким образом, большинство фразеологизированных свадебных действий приходится на кинесическую составляющую невербального компонента свадебного обряда, небольшая часть – на колористическую и гастическую, связанную со свадебным угощением и вкусовыми ощущениями.

В значительно меньшей степени подвергся фразеологизации погребальный обряд. Встречаются ФЕ, отражающие опять-таки кинетическую составляющую погребального обряда: *идти за гробом; проводить в последний путь* (рус.); *праводзіць у апошні шлях* (бел.). Отголоском древних традиций публично выражать свое горе на похоронах близких людей можно считать фразеологизм *рвать на себе волосы*, который теперь употребляется в более широком контексте. Гастическая составляющая отражена во фразеологизме *поминальная трапеза*.

Еще в меньшей степени отражены во фразеологической системе современных восточнославянских языков календарно-земледельческие обряды. В целом же исполнение большинства обрядовых действий в настоящее время носит преимущественно декоративно-развлекательный характер. Изучение фразеологических словарей, пословиц и поговорок показало, что сохранились в языке идиомы, связанные

преимущественно со свадебным обрядовым комплексом. Опросы представителей разных поколений позволяют предположить, что часть фразеологизмов в настоящее время имеет тенденцию перехода в пассивный запас языка, так как не понимается молодым поколением.

Список литературы:

1. Білоноженко, В. М., Словник фразеологізмів української мови / В. М. Білоноженко, І. С. Гнатюк, В. В. Дятчук, В. Н. Неровня, Т. О. Федоренко / відповідальний ред. Винник В. О. – К. : Наукова думка, 2003. – 788 с.
2. Верещагин, Е. М. О своеобразии отражения мимики и жестов вербальными средствами (на материале русского языка) / Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров // В.Я. – № 1. – 1981. – С. 36.
3. Зимин, В. И. Пословицы и поговорки русского народа. Большой объяснительный словарь / В. И. Зимин, А. С. Спиринов. – 3-е изд., стереотипное – Ростов н/Д : Феникс, Москва : Цитадель-трейд, 2006. – 544 с. – (Словари).
4. Колшанский, Г. В. Паралингвистика / Г. В. Колшанский. – Москва : Наука, 1974. – 81 с.
5. Крейдлин, Г. Е. Невербальная семиотика: язык тела и естественный язык / Г. Е. Крейдлин – Москва : Новое литературное обозрение, 2004. – 581 с.
6. Мосейчук Т. В. Вербализация невербального компонента коммуникации во фразеологической системе русского языка / Т. В. Мосейчук // Вестник государственного социально-гуманитарного университета. – № 3(27). Гуманитарные науки. – Коломна, 2017. – С. 26–29.
7. Мосейчук, Т. В. Невербальные средства коммуникации в зеркале русской и белорусской фразеологии / Т. В. Мосейчук, А. В. Монгалева // Сборник науч. статей / под общ. ред. Т. Г. Михальчук. – Могилев: УО «МГУ им. А. А. Кулешова», 2010.
8. Мосейчук, Т. В. Невербальный компонент коммуникации в культуре и языке восточных славян / Т. В. Мосейчук // Романовские чтения – 13 : сборник статей Международной научной конференции, посвященной 105-летию МГУ имени А. А. Кулешова, Могилев, 25–26 октября 2018 г. / под общ. ред. А. С. Мельниковой. – Могилев : МГУ имени А. А. Кулешова, 2019. – С. 136–137.
9. Словарь русского языка : в 4 т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований ; под ред. А. П. Евгеньевой. – 4-е изд., стер. – Москва : Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999. – Т. 2 : К – О. – 736 с.
10. СОВРЯ – Словарь образных выражений русского языка. / Т. С. Аристова, М. Л. Ковшова, Е. А. Рысева и др. ; под ред. В. Н. Телия. – Москва : Отечество, 1995. – 368 с.
11. ФСБМ – Лепешау І. Я. Фразеалагічны слоўнік беларускай мовы : у 2 т. – Минск : БелЭн, 1993. – Т. 1 : А – Л. – 590 с.
12. ФСБМ – Лепешау І. Я. Фразеалагічны слоўнік беларускай мовы : у 2 т. – Минск : БелЭн, 1993. – Т. 2 : М – Я. – 607 с.
13. ФСРЛЯ – Фразеологический словарь русского литературного языка : в 2 т. / сост. А. И. Федоров. – Москва : Цитадель, 1997. – Т. 1: А – М. 391с.; ФСРЛЯ –

Фразеологический словарь русского литературного языка : в 2 т. / сост. А. И. Федоров. – Москва : Цитадель, 1997. – Т. 2 : Н – Я. – 396 с.